

II. 5. Аксиологические параметры земли по материалам экспедиции в с. Славяново (Болгария)⁵²

Раздел подготовлен на основе экспедиционных данных, записанных совместно с А. А. Леонтьевой в с. Славяново (район Попово, область Тырговиште, Болгария) в августе 2019 г., рукописных тетрадей из библиотеки с. Славяново и письменных воспоминаний о своей семье одной из жительниц села, болгарки Цаны Бошковой. Также были использованы данные печатных фольклорных и этнографических источников, в том числе региональных этнографических сборников (Михайлова 1999, Попов 1994, Хаджиниколов 1980, Генчев 1993 и ряд др.), изданных Институтом этнологии и фольклористики с этнографическим музеем БАН.

Село Славяново, в котором был собран материал, представляет собой интересный образец динамики внутренних миграций жителей Болгарии. Население разнородно по своему происхождению. Это коренные турки, а также турки, приехавшие из Кырджали и его окрестностей, и болгары, переселившиеся из окрестностей городов Елена и Златарица в конце XIX в. (Атанасов 2007). Изначально село было чисто турецким, но с течением времени благоприятные условия для жизни и обработки земли привлекли сюда и болгар. Сейчас довольно сложно найти людей, ведущих свой род именно из Славяново.

При этом жители подчеркивают отсутствие проблем в общении по национальному и религиозному признакам: многие дружат с представителями других конфессий, музыкальный ансамбль в библиотеке (*читалище*) является смешанным по составу. Такая дружба отчасти обуславливает особенности празднования религиозных праздников: в любой день, когда принято угощать других людей (помянуть усопших, дарить яйца, раздавать курбан), угощают всех соседей, независимо от вероисповедания. Более того, многие мусульмане, как и христиане, красят яйца на Пасху – чтобы их дети могли обменяться ими с бол-

⁵² Авторская работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект #472–LED–SW).

гарскими детьми. Это еще раз демонстрирует балканский религиозный синкретизм в рамках одного населенного пункта (Трофимова 2012).

Цель экспедиции – собрать языковой, фольклорный и этнографический материал в турецкой среде, причем тема земли была одной из ключевых в вопроснике.

Исследований о земле как ценности на болгарском материале, как и обобщающих работ об аксиологическом осмыслении земли в славянской народной культуре, мне не известно. В качестве ориентира будет использоваться прежде всего статья в этнолингвистическом словаре «Славянские древности», написанная на общеславянском материале (Белова – Виноградова – Топорков 1999), а также части монографий, посвященные ритуальным сферам: похоронной обрядности (Вакарелски 1939; Вакарелски 1990; Генчев 1985; Евтимий, архим. 1942; Парашкевов 1907; Седакова 2016), аграрным ритуалам (Вакарелски 1941, Кагаров 1929, Стаменова 1974), народной медицине и магии (Георгиев 1980, Любенов 1887) и ряд др. Земля, как и другие природные стихии, будет рассматриваться в двух аспектах: во-первых, земля как ценность и, во-вторых, ценности, связанные с землей (жизнь, плодородие, память и др.).

Жизнь и смерть

Прежде всего обратимся к похоронной обрядности и сельскохозяйственным ритуалам, воплощающим круговорот жизни и смерти. Последние представляют собой два главных полюса человеческого существования, а значит, и главные его ценности. Возникает естественный вопрос: всегда ли смерть в этой оппозиции исключительно негативно окрашена, – другими словами, является ли она антиценностью? Жизнь для человека традиционной культуры – последовательность этапов, которые начинаются и заканчиваются ритуалами перехода. Для того чтобы жизнь шла по намеченному веками сценарию, эти переходы должны были осуществляться правильно с ритуальной точки зрения (беременность и рождение ребенка окружены определенными запретами, которые направлены на формирование благоприятной судьбы; так же и смерть: чтобы покойный ушел мирно, при жизни он не должен грешить, а после смерти и до погребения его тело должны оберегать, например, от кошек – считается, что, если кошка перепрыгнет покойного, он станет вредить живым). И, конечно, самыми важными являются первый и последний такой ритуал, то есть рождение и смерть (включая погребение).

В Славяново болгары (как и практически везде) поминают усопших в специальный день, называемый Задушница (праздник поминовения усопших); информанты не уточняли, какой из трех дней (всего в болгарском календаре существует три праздника, называемых «задушница»: черешневая, мясопустная, архангелова) они имеют в виду. Турки поминают усопших на праздник Курбан Байрам (*Голям Байрам*) – после утренней молитвы они должны посетить кладбище и прочитать молитву «фатиха».

Поминовение усопшего на седьмой, сороковой и пятьдесят первый день в мусульманских семьях проходит строго за традиционными низкими столиками (болг. *софри*). Те жители, которые не имеют их дома, могут одолжить их в мечети. После смерти у турок принято ходить на кладбище три дня, а у болгар – сорок дней. При этом турки также читают молитву «фатиха». Во время похода на кладбище обязательно поливают могилы: турки – водой по кругу, а болгары льют воду в форме креста (при этом также могут поливать вином). Это делается для того, чтобы «напоить» покойного.

Люди верят, что смерть должна прийти вовремя – человек должен до конца прожить свой век, но не пережить его; такую смерть, очевидно, и можно отнести к разряду ценностей – ценностей достойного окончания жизни. В этом плане смерть семантически связана с «долей»: «В представлениях о нечестивости пережитого *века* актуально то же славянское представление о *доле*, в котором в данном случае акцентирован семантический мотив *части*» (Седакова 2004, 24). Делая эти заключения, автор цитируемой монографии основывается также на болгарском материале, что дает возможность использовать данное утверждение в настоящей работе (ср. внутреннюю форму болгарского слова *участ* ‘участь’). Это означает, что каждому человеку отмерен определенный срок, который нужно прожить до конца и не перейти за его границу.

Здесь можно провести параллель с земельным наделом: семья имела часть, поле, которое она обрабатывала и с которого должна была получать практически всё нужное для жизни. И отмеренная жизнь, и отмеренное поле подразумевают наличие социальных границ. Земля поделена между членами сообщества, как и жизненная сила между людьми, поэтому считается, что зажившиеся на этом свете старики используют жизненную силу (в.-слав. *спор*) других. Это подтверждает своими размышлениями О. А. Седакова: «Тот, кто приобретает *спору* больше обыкновенной, отнимает ее у других, подобно тому как старик *ест чужой век*» (Седакова 2004, 25).

Вышесказанное хорошо вписывается в концепцию ограниченного блага, которую развивает Дж. М. Фостер (Foster 1965), а в российской науке – О. Б. Христофорова (Христофорова 2010). Концепция состоит в том, что блага в маленьком сообществе (например, деревне) ограничены и их нельзя привнести со стороны, то есть, если у кого-то становится чего бы то ни было больше, это значит, что у других его стало меньше. Этот пессимистичный взгляд отражен в поговорке: *За мъки се родийме на вайа зема* (Костурско, АБДР) [*Для мучений рождаемся на этой земле*], которая является результатом размышления о том, что дополнительные блага нельзя добыть честным путем, а значит, люди обречены на скромное существование. Можно сказать, что урожай делится между членами сообщества в соответствии с тем, сколько может дать земля. Если кто-то вдруг богател, то это оценивалось односельчанами негативно, и не столько от зависти, сколько на основе традиционных представлений о том, что урожай можно «переманить» с одного поля на другое или он сам может «уйти». В данном случае урожай коррелирует с жизненной силой человека, которую также можно уменьшить или украсть магическими средствами

Если говорить о плодородии земли как ценности (ценно и важно то, что поддерживает жизнь), то здесь много информации может дать как ритуальная сфера, так и языковой материал.

В болгарском языке множество наименований плодородной и неплодородной почвы подчеркивает значимость этого качества почвы для земледельца. Так, например, словом *кокал* ‘кость’ называют местность с твердой почвой, а *мозък* ‘мозг’ – с плодородной (Димитрова-Тодорова 1987, 111-112) – наименования с использованием соматического кода для передачи качества земли. Антропоморфизация земли – частое явление в народных представлениях. Для обозначения неплодородной почвы также используются эпитеты: *п’асъчлива* ‘песчаная’, *постна* ‘постная’, *уръвена, червена* ‘красная’ (Гоцеделчевско), *п’асъчнева, песъклива* ‘песчаная’ (Асеновградско), а для обозначения плодородной – *кай бубрек* ‘как почка’ (анатомическое сравнение), *тешка* ‘тяжелая’ (Костурско), *дебела* ‘толстая, *капречева* ‘рыхлая’ (Пазарджишко), *пръхкава* ‘рыхлая, рассыпчатая’, *рохкава* ‘рыхлая’, *кичерна* ‘черноземная’ (с. Галата, Тетевенско) (АБДР).

Аграрные ритуалы с. Славяново жители помнят не очень хорошо. Возможно, это связано с запретами на совершение обрядов в рамках Трудового кооперативного земледельческого хозяйства (болг. ТКЗС), которое стремилось организовывать труд и быт по-новому,

устраивая по-новому и старые праздники – например, банкеты по случаю начала и окончания жатвы. При этом болгары помнят, что всё равно, несмотря на запреты, закапывали в землю пасхальное яйцо ради плодородия, совершали обход нивы в определенные праздники (обычно весенние), поливали землю вином перед посевом. Турецкое население помнит, что ходжа (когда он был) в случае засухи читал молитву о дожде, называемую «реджеп». Молитва читалась около источника (*чешма*). Все эти ритуальные действия – осколки большого обрядового комплекса, но даже эти реликты дают ясное представление о ценности плодородия.

Таким образом, символизм земли тесно переплетается с символизмом жизни и смерти, которые, в свою очередь, отражены в двух обрядовых сферах – аграрной и погребальной. Эти ритуальные сферы связаны с исключительно значимой в народной культуре семиотической оппозицией «живое – мертвое».

Чистое и нечистое в концепте «земля». Земля как ценность

Говоря о земле, невозможно исключить из анализа народную медицину и лечебную магию, поскольку в них активно используется земля как субстанция (болг. *пръст*), то есть земля в своем вещественном воплощении. В этом случае актуализируется другая семантическая оппозиция – «чистое – нечистое». В зависимости от того, где взята земля, она может иметь лечебную или вредоносную силу. Так, землю с кладбища нередко используют для изготовления предметов, которые подбрасывают в дом для наведения порчи (в Славяново для обозначения вредоносного предмета употребляли слово *муска*, имеющее в литературном болгарском языке значение ‘амулет’ (Бернштейн 1966, 328). Эту практику вредительства в Славяново помнят как болгары, так и турки. Так, информантка-турчанка, 1968 г. р. рассказала, что после двадцати лет брака развелась с мужем; а позже она нашла в шкафу незнакомый предмет, который, по ее мнению, подбросил кто-то, кто позавидовал ей и решил разрушить семью.

Христиане в с. Славяново берут землю с могилы усопшего, но не с целью вредительства, а для поминовения умершего (чтобы не ходить каждый день на кладбище); в таком случае кладбищенская земля теряет свой статус «нечистой». Мусульмане же такой традиции не имеют. В исламе одним из видов скверны (*наджис*) считаются труп и вообще всё мертвое; соответственно, прикосновение к ним требует ритуального омовения. (У христиан также обязательны и гигиенические, и риту-

альные омовения после контакта со смертью. Более того, вода после омовения считается «нечистой» и опасной, она выливается туда, где не ступает нога человека.) Возможно, в народной религиозности мусульман такое отношение распространяется и на землю с кладбища.

Однако нельзя считать, что в исламе земля в целом считается нечистой, скорее наоборот. Согласно исламскому праву (Реза Мошфегги Пур 2016, 99), в случае отсутствия воды допускается совершение ритуального очищения землей (*тайаммум*). Более того, земля в исламе считается одним из очистителей от скверны. Землей, помимо самой почвы, считаются песок, гравий, щебень и даже камень (Реза Мошфегги Пур 2016, 102). После такого очищения можно читать молитву или приниматься за работу. Данный обычай помнят и в Славяново. При этом описание ритуала его жителями полностью совпадает с описаниями в официальных исламских источниках: информанты сообщали, что нужно потереть землей лоб и руки. В официальных исламских источниках очищение описано немного подробнее: необходимо принять намерение очиститься землей, ударить ладонями по ее поверхности, потереть лоб, потереть внешние стороны рук, ударить по земле еще раз и еще раз потереть внешние стороны рук (Реза Мошфегги Пур 2016, 102).

Интересно, что Д. Маринов отмечает наличие такой традиции в XIX в. и у болгар (Маринов 1994), но сейчас, по крайней мере в рассматриваемом селе, землей «омовения» не совершают.

Таким образом, в различных ситуациях земля может считаться как чистой, так и нечистой. К примеру, ронять и бросать еду на землю, особенно хлеб, нельзя ни туркам, ни болгарам. Это считается большим грехом, что усиливается сакральностью хлеба и особым его почитанием. Раньше, чтобы избежать попадания на землю даже крошек хлеба, люди клали на колени края скатерти (сидели они за маленькими низкими столиками *софрами*). Информанты рассказывают, что пожилые люди поднимали с пола любую крошку и либо съедали, либо отдавали животным. Сейчас так не делают; поэтому, как комментирует одна из информанток, и уходит весь достаток: болг. *тъз ни берекет* (рус. «вот и наш достаток»).

От чего зависит оценка земли как «чистой» или «нечистой», не вполне ясно. Возможно, она связана с разграничением понятий (*земля* как поверхность и *земля* как субстанция), которое закреплено в языке (болг. *земя* и *пръст*) и о котором писал Д. Маринов (Маринов 1994).

Одна из наших информанток, турчанка (1945 г. р.), уверенно проводит границу между понятиями *земя* и *пръст*, но были и такие, кто никакой разницы не видел. Словарь болгарского языка приводит

девять значений слова *земля*, среди которых есть и интересующие нас: 1. земля как планета, 2. земная поверхность, 3. территория, принадлежащая тому или иному народу, 4. плодородный слой земли, т. е. почва, 5. земля как субстанция, 6. пол дома и др. (<http://ibl.bas.bg/rbe/lang/bg>, дата обращения: 28.10.2019). Словарь разграничивает значения ‘почва’ и ‘земля-субстанция’ с объяснением, что почва используется для посева, а землю-субстанцию можно выкопать для различных нужд.

В целом можно сказать, что *земля*, *пръст* и *почва* являются синонимами, но самым широким значением обладает именно слово *земля*. Восприятие этих понятий в болгарском языке заслуживает отдельного исследования.

Земля как воплощение памяти. Ценность памяти

В традиционной культуре земля тесно связана с представлениями о доме, родине и, соответственно, с памятью о прошлом. Для жителей с. Славяново память сама по себе представляет особую ценность: в библиотеке хранятся списки выдающихся славяновцев и картина с родовым древом с. Славяново; на центральной площади стоит памятник знаменитой певице, местной уроженке Любе Велич, а одна из наших информанток, Цана Бошкова (болгарка, 1930 г. р.), написала небольшую книгу о своей семье. По большей части ее воспоминания сентиментальны: описываются характеры членов семьи, их судьбы, но через эти судьбы проходят (пусть даже упоминаемые в книге вскользь) исторические события, образ жизни, уровень образования и мн. др.

Память и земля связаны, на мой взгляд, неразрывно: люди помнят, откуда пришли их предки, где они жили. Здесь земля синонимична локусу, она обретает пространственную ценность. Местом памяти, безусловно, является и кладбище. Турецкие погребения по стилистике в настоящее время похожи на болгарские: на них пишут имена, на многих памятниках появляются фотографии. При этом старая часть кладбища с традиционными турецкими памятниками, которые представляют собой камни разной формы без надписей, находится в запустении. Если предки нынешних жителей (и тех, кто уехал из Болгарии в Турцию) точно помнили форму камня определенных родных и могли ухаживать за местом последнего упокоения предка, то современное поколение уже не знает, чьи это могилы. Показательно, что нами было найдено одно захоронение в старой части кладбища, которое опознали и поставили на могиле новый камень-памятник, уже с надписью. Остальная часть старого кладбища поросла бурьяном.

Кладбище в Славяново находится вне села, старая часть в поле, новая – в более лесистой местности напротив. Интересно, что на некоторых могилах посажены плодовые деревья, и это может иметь самую разнообразную символику: в частности, дерево служит метафорой жизни человека, часто его сажают, чтобы помочь «изжить непрожитый век» умершим в молодом возрасте (Агапкина 1999, 62).

Земля и материальные ценности

Традиция кладоискательства и рассказы о кладах существуют во всех славянских культурах (и за их пределами; можно вспомнить, например, сокровища Нибелунгов, о которых рассказано в эпической поэме «Песнь о Нибелунгах»). Но болгарская традиция имеет ряд специфических особенностей, оформляющих поиск клада ритуально. Так, человек, который решил искать клад, должен это делать в праздник, Иванов день (болг. *Еньовден*), – тогда над кладом горит огонь и показывает, где он зарыт. Но выкапывание клада грозит смертельной опасностью человеку, решившемуся это сделать: хозяин сокровища оставляет на нем *зарок* (предмет, заговор, проклятье). В болгарской традиции (среди прочих возможных вариантов) *зароком* может служить положенный вместе с деньгами ремень, который охраняет клад, превращаясь в змею. В этом случае, как рассказали в Славяново, человек, который приходит выкапывать клад, должен сказать: «Ты не змея, ты ремень!» – и чары спадут.

Клад, по народным представлениям, может потребовать жертву, о виде которой можно судить по следам на пепле, которым посыплют клад: если прошел зверь, нужно принести в жертву его, если человек – человека.

Информанты из с. Славяново рассказывали о зарытых кладах не всегда охотно. Дело в том, что традиция золотоискательства (болг. *иманярство*) в Болгарии жива и в настоящее время, поэтому вопросы о сокровищах вызывают подозрения. В болгарском интернет-пространстве приводится множество сведений о местонахождении кладов и даже существуют сайты, которые посвящены поиску последних.

Возвращаясь к теме ценностей, отмечу, что для простого человека найти клад – это возможность резко поправить свое материальное благополучие, что считалось в традиционном, закрытом обществе практически невозможным и даже неправомерным. Отсюда, как мне кажется, вытекают и все негативные последствия нахождения кладов в фольклорных нарративах: по поверьям, если человек не оставил жерт-

ву или не снял заклятье с найденного золота, он может заболеть или сойти с ума, могут заболеть и умереть члены его семьи и даже его род может быть проклят навеки. Можно сказать, что земле в народной культуре приписывается свойство оберегать ценности, оставленные в ней.

В контексте миропорядка, о котором говорилось выше, в котором благо в закрытом обществе строго определено для каждого рожденного человека и не может быть умножено, приобретение благ сверх отмеренного означает, что человек воспользовался магией и потусторонними силами, чтобы отнять благо у других. В случае с кладами – закопанными сокровищами – отнял у семьи того человека, который их закопал.

Интересно, что в болгарской традиции (да и во многих других славянских культурах) хранителем клада нередко является змея. Само слово *змея* происходит от праславянского *zmyjā, то есть является однокоренным со словом *земля*. Болгарский этимологический словарь (Георгиев – Гъльбов – Заимов – Илчев 2007, 648) объясняет это тем, что змея живет в земле. Словарь В. Махека признает это слово табуированным названием – «земная змея» в отличие от «домашняя змея» (Machek 1957, 717). Но, на наш взгляд, это показывает и тесную семантическую связь между пресмыкающимся и землей. Например, если говорить о кладах, земля с помощью змеи охраняет свои сокровища. Также связь с земными недрами поддерживается тем, что змея имеет хтоническую природу (Гура 1999) и связана с миром мертвых.

Характерный для болгарской культуры дух – хозяин дома (болг. *стопан*) появляется в образе змеи и обычно является духом предка. Такой хозяин может быть и у земли на кладбище, и у закопанных сокровищ. В Славяново вера в то, что при выборе места захоронения необходимо задобрить хозяина земли, если и была, то не сохранилась.

При этом болгарской народной культуре в целом свойственно представление о том, что, выбирая место, человек выбирает и хозяина этого места, а потому выбор места под строительство дома считался очень ответственным шагом и окружен множеством ритуалов. Первый дом в селе становился сакральной точкой; от правильного выбора места для первого дома зависит благополучие всего села. Стоит отметить, что старое название Славяново – Кара-агач, что в переводе с турецкого означает «черный вяз». В краткой истории деревни, хранящейся в муниципальном центре села, сказано, что первый дом был построен под черным вязом. Вяз считается священным деревом у болгар (Трефилова 2010, 229), то есть такое место явно можно считать благополучным.

Поскольку село было основано турками, это позволяет предположить, что вяз считался священным и для турок (по крайней мере на данной территории). В старом центре села расположены мечеть и церковь, что подтверждает мысль о сакрализации середины.

Подводя итоги, отметим, что земля является ограниченным ресурсом, который невозможно умножить, а потому была и есть одной из базовых материальных ценностей человека. Можно сказать, что через землю перед нами раскрывается целый комплекс ценностей, в который входит всё, что необходимо человеку для жизни. И это позволяет нам выстроить определенную иерархию ценностей, в которой жизнь будет занимать главенствующее положение; за ней следом мы можем поставить ресурсы, необходимые для жизни (земля, вода, огонь, воздух, еда), и то, что эти ресурсы обеспечивает (плодородие, влага), замыкают же данный список правильная смерть и память о предках.

Екатерина Николаевна Струганова